

Теория социализма М. И. Туган-Барановского и реалии «развитого социализма»

Аннотация. В статье рассматривается теория социализма М. И. Туган-Барановского и предшествующих теоретиков социалистической мысли. Авторы статьи показывают, что практика реального социализма в СССР и других странах была основана в большей степени на идеях социалистических мыслителей *немарксистского* толка.

Анализ идей Туган-Барановского и других авторов показал, как теоретические ошибки отразились на экономической политике СССР и других стран и привели в итоге к краху реального социализма. Основные выводы состоят в том, что реальный социализм, в отличие от того, что предполагала теория, *не смог* дать роста производительности по сравнению с капитализмом, альтернативной рынку координации экономических процессов, не обеспечил стимулов к труду и творческому развитию личности.

Статья предназначена тем, кто интересуется историей экономической мысли и практикой построения социализма.

Ключевые слова: капитализм; социализм; коммунизм; плановая экономика; рыночная экономика

Введение

Данная статья написана на основе изучения труда М. И. Туган-Барановского «Социализм как положительное учение», последнее издание которого при жизни автора состоялось в 1917 году¹. Актуальность этого труда для момента издания – очевидна, так как сам М. И. Туган-Барановский в предисловии пишет, что книга явилась плодом его многолетних размышлений. Анализ изложенных в ней взглядов представляет интерес потому, что М. И. Туган-Барановский – крупнейший для своего времени специалист в области теории политической экономии и социализма, которому, в отличие от номенклатурных «писателей» времен «развитого социализма», присуще искреннее стремление к научной истине, свобода в отстаивании своих взглядов. Поэтому его ошибки – это ошибки честного и свободного человека, обладающего обширными знаниями по анализируемому предмету. Отсюда следует, что анализ этих просчетов важен тем, что он может прояснить то, как ошибки в теории вылились затем в неверную экономическую практику и в крах системы «развитого социализма» в целом.

Просчеты такого крупного экономиста, как М. И. Туган-Барановский, предвосхитили дебаты, которые велись в нашем обществе на излете жизни Советского Союза. Дебаты эти не прекратились и до сих пор. И если для специалистов в области экономических наук суть тех изменений, которые произошли в нашей

* **Сергей Александрович Мицек**, декан факультета бизнеса и управления, заведующий кафедрой финансов и бухгалтерского учета АНО ВО «Гуманитарный университет», д-р экон. наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Екатеринбург).

E-mail: sergey.mitsek@gmail.com

Author ID РИНЦ 554121, ORCID 0000-0001-9503-9132, SCOPUSID 57191707257,

SPIN 2497-9549

Елена Борисовна Мицек, профессор кафедры менеджмента и маркетинга АНО ВО «Гуманитарный университет», д-р экон. наук (г. Екатеринбург).

E-mail: emitsek@mail.ru

Author ID РИНЦ 554122, ORCID 0000-0001-9407-581X

¹ Все дальнейшее ее цитирование будет по изданию [1].

стране в 1990-х годах, в основном понятна, то у широкой публики по-прежнему много вопросов, как показывают многочисленные беседы авторов данной статьи с гражданами нашей страны. Для разъяснения этих вопросов обращение к теоретическим истокам социализма неизбежно.

В тех дебатах 1970–80-х годов оппоненты авторов статьи нередко пытались утверждать, что сравнивать теории социализма с реальной практикой Советского Союза некорректно. Что общество, которое в нем было построено, кардинально отличалось от замыслов отцов-основателей «научного» социализма и коммунизма. Но с чем, с какой практикой тогда следует сравнивать эти теоретические конструкции? Отметим, что оценивать построение социализма на основе, например, шведской модели, с ее (широко распространенной) частной собственностью, рыночными ценами, наличием очень богатых людей, мало кто решался. А сравнивать теорию с неким *идеальным* обществом, которого никогда не было в действительности, авторы статьи считают бесполезным, хотя адепты социализма этим занимались.

Коммунисты, захватившие власть в России в 1917 году и удерживавшие ее более 70 лет, провозглашали, что строят социализм, опираясь на теорию К. Маркса и Ф. Энгельса (марксизм) и ее адаптацию к условиям России, осуществленную В. И. Лениным (ленинизм). Но еще в работе «Теоретические основы марксизма», впервые вышедшей в 1905 году [2], М. И. Туган-Барановский показал, что марксизм не дал развернутой теории социализма. Адепты марксизма и не пытались предложить подробного описания того, как будет функционировать будущее социалистическое общество, считая такой подход «утопией». Они ограничились лишь общими словами о том, что частная собственность будет экспроприирована и возникнет экономика, основанная на общественной собственности, управление которой будет подчинено единому плану. Опираясь лишь на эти поверхностные суждения, считать К. Маркса и его последователей создателями теории «научного» социализма и коммунизма, по нашему мнению, нельзя.

Из этого вывода авторы данной статьи сделали в свое время заключение, что большевикам, пришедшим к власти в 1917 году, пришлось импровизировать. Это мнение авторов оказалось ошибочным: вследствие того, что К. Маркс не дал подробного описания будущего социалистического общества, большевики, возможно, сами того не подозревая, черпали идеи конкретных решений у *немарксистских* социалистов, которых сами марксисты презрительно называли «утопистами», и вышеуказанная работа М. И. Туган-Барановского блестяще это подтверждает. Как заметил еще Дж. М. Кейнс, миром правят идеи: «Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писаки, сочинявшего несколько лет назад» [3, с. 518].

Методологический подход, применяемый К. Марксом и его последователями (и который авторы данной статьи называют «метод Маркса») состоит в том, чтобы формулировать свои положения столь двусмысленно и неясно, что их можно трактовать как угодно. Даже в описании экономической системы капитализма, а именно той части марксизма, рациональное зерно которой нельзя отрицать, большинство тезисов сформулировано столь невнятно, что всякий хорошо подкованный марксист отобьет любую критику, доказав, что его неправильно поняли.

Эта неоднозначность формулировок в теоретических истоках марксизма помогла в свое время китайским реформаторам обосновать нужные реформы по переходу к рыночной экономике, не порывая при этом с идейными корнями и опираясь на труды другого крупного марксиста – русского экономиста Н. И. Бухарина (подробнее об этом в: [4]).

В отличие от Маркса М. И. Туган-Барановский формулирует свои идеи предельно ясно, поэтому их можно обсуждать и критиковать. Как говорил К. Поппер, «теория, которую нельзя опровергнуть каким бы то ни было постижимым событием, ненаучна. Неопровержимость – не доказательство теории (как часто думают), а порок»². Так будем же обсуждать именно научные теории.

Истоки

Половина всей книги М. И. Туган-Барановского «Социализм как положительное учение» – это обзор предшествующих теорий социализма. Характерно, что для марксизма в этом обзоре почти не нашлось места вследствие указанных выше причин. Напротив, обзор этот полон имен, прочно забытых в настоящее время.

Предваряя этот обзор, М. И. Туган-Барановский признает, что «социалистический строй есть искусственная, придуманная форма человеческого общежития, в противоположность естественным, стихийно развившимся формам общества, существующим ныне» [1, с. 7]. Но Туган-Барановского эта «придуманность» не смущает, хотя, на взгляд авторов статьи, должна была бы смущать, так как он тут же утверждает, что «социализм, подобно всем другим формам общества, есть естественный и необходимый результат исторического развития человечества» [Там же]. Откуда следует такой вывод – непонятно.

Обзор предшествующих теорий социализма Туган-Барановский начинает с государства Платона. Этим государством управляют особо одаренные люди, пользующиеся доверием всего общества. Все остальные – простые исполнители, благодаря труду и покорности которых общество достигает своих целей. Личность в государстве Платона сама по себе не имеет никакой ценности, ценность имеет лишь общество в целом.

Отметим, что верховными управленцами в государстве, «философами», как называет их Платон, являются люди высших достоинств, у них нет ничего своего: ни частной собственности, ни семьи, даже жены у них общие. Все это напоминает «Орден меченосцев», каким И. В. Сталин видел роль правящей коммунистической партии. Лишь тезис относительно жен все же был скорректирован применительно к реальности.

На словах апеллируя к К. Марксу, практика построения реального социализма воплотила именно эту модель Платона. Был сконструирован тоталитарный режим, в котором личность совершенно бесправна, а абсолютной и неограниченной властью обладает лишь правящая партия. Именно по этой причине М. И. Туган-Барановский отвергает априори платоновский социализм. А истинный социализм он связывает лишь со всесторонним развитием личности, обладающей самыми широкими правами.

Учение о правах и свободах личности М. И. Туган-Барановский относит к идеям И. Канта. При этом он критикует Канта за то, что тот связывал эти права и свободы с частной собственностью на средства производства, то есть с капитализмом, но, как утверждает Туган-Барановский, при капитализме такие права есть фикция, потому что при этой системе имеет место эксплуатация человека человеком. Лишенный частной собственности и подвергающийся эксплуатации рабочий фактически не имеет никаких прав, и потому его личность не может развиваться.

Почему наём работника на частное предприятие есть нарушение прав личности, если работник делает это совершенно свободно, без принуждения? Ведь наемный работник – не крепостной и не раб! Почему он не может открыть свой бизнес, если не хочет быть наемным работником? Где здесь нарушение прав и

² URL: <https://citaty.info/man/karl-popper> (дата обращения: 08.09.2021).

свобод? На эти вопросы Туган-Барановский, равно как и другие социалисты, не дает ответа.

Корень этих заблуждений заключается в учении К. Маркса о так называемом «первоначальном накоплении». Это явление Маркс и его последователи связывали исключительно с грабежом (имущества церкви или побежденных стран и т. п.), с торговлей рабами и с иными преступными занятиями. Отсюда делался вывод о том, что предпринимателем может стать лишь тот, кто создал первоначальное накопление подобным образом.

Заметим, что такие явления имели место в истории человечества. В России в годы приватизации бывало, что первоначальный капитал создавался путем, мягко говоря, не совсем законного присвоения бывшей государственной собственности.

Но далеко не всегда источники первоначального капитала имели столь сомнительный характер. Например, Билл Гейтс, Сергей Брин, Стив Джобс – разве можно назвать их грабителями? А если вспомнить старых русских предпринимателей? Савва Васильевич Морозов (не путать с его потомком – Саввой Тимофеевичем), Михаил Яковлевич Рябушинский и другие создавали свои капиталы трудолюбием и смекалкой. Так что «грабительская теория» первоначального накопления капитала не может рассматриваться как всеобъемлющее учение. Соответственно, предпринимателем может стать просто трудолюбивый и талантливый человек.

Далее М. И. Туган-Барановский рассматривает теорию государственного социализма К. Сен-Симона и его последователей. В их системе все экономические процессы (производство, распределение, обмен и потребление) подчинены государству. Туган-Барановский критикует модель Сен-Симона: «Крайняя централизация общественного устройства, спроектированная сенсимонистами, потребовала бы такой железной дисциплины, которой ни в каком случае не согласился бы подчиниться свободный рабочий нашего времени» [1, с. 25].

Увы, практика «реального социализма» показала, что он еще как подчинился! Но поразительно и другое. Казалось бы, критикуя (и вполне справедливо) централизаторские идеи сенсимонистов, сам Туган-Барановский в итоге приходит к близкой к этому схеме, лишь разбавляя ее рассуждениями о правах человека и допущением некоторых (второстепенных, по его мнению) форм организации производства.

Рассматривая идеи одного из последователей Сен-Симона, Константина Пекера, Туган-Барановский с похвалой отмечает, что тот допускает свободу творческого труда. Но как возможна такая свобода, если все средства производства, включая газеты и типографии, принадлежат исключительно государству? Можно ли разрешать отдельным лицам печатать в государственных типографиях труды, в которых это самое государство критикуется?

К. Пекер находит здесь великолепный, по мнению Туган-Барановского, выход: такой критически настроенный автор может печатать в государственной типографии свои произведения, но только за свой счет. Иными словами, поддерживаешь государство – печатайся бесплатно, не поддерживаешь – за свои деньги. Поразительно, но М. И. Туган-Барановский, член ЦК партии кадетов, регулярно критиковавшей царское самодержавие, не увидел в таком «социализме» никакого ущемления прав!

Реальность, как мы знаем, была еще хуже: при «развитом социализме» нельзя было публиковать критические материалы даже за свой счет.

Интересен и комментарий Туган-Барановского к предложению К. Пекера по решению проблемы равновесия на рынке труда при социализме. При капитализме ее решает система цен. Человек волен выбирать занятия по своему усмотрению, но если данный род деятельности хочет выполнять большое количество претен-

дентов, то, как показывает экономическая теория, кривая предложения труда сдвигается вправо и равновесная зарплата снижается. Иными словами, если хочешь выполнять работу, которая интересна и приятна не только тебе, соглашайся на низкую зарплату.

Если, напротив, работа тяжелая и неприятная, то кривая предложения сдвигается влево, и равновесная зарплата повышается. За такие виды труда в рыночной экономике платят больше.

У социалистов (Пекера и Туган-Барановского) все не так. При социализме рыночные механизмы отключены, все решает государство. Для решения указанной проблемы создаются специальные комиссии, которые определяют, кто наиболее пригоден для выполнения той или иной работы. Не понравился ты членам комиссии – изволь идти выполнять тяжелую и неприятную работу, плата за которую не выше, чем за работу приятную и более легкую.

Этот механизм очень напоминает практику «развитого социализма», особенно в том, что касается принудительной отправки граждан на сельскохозяйственные и строительные работы. Похожий механизм действовал и в отношении предоставления жилья. Никаких ипотечных кредитов (вызывающих сегодня столь много нареканий за их дороговизну) не было, жилье распределяла жилищная комиссия, от активности самого человека мало что зависело. И он вполне мог и не получить жилья, если чем-то не понравился членам этой комиссии или стоящему над ней начальству данной организации.

Аналогичную похвалу вызывает у Туган-Барановского предложение К. Пекера о равной зарплате за разные виды труда. Он отмечает, что у многих подобная «уравниловка» вызывает настороженность по отношению к социализму. Сложный труд (ученого, инженера) должен, по мнению этих критиков, вознаграждаться выше. Но, возражает Туган-Барановский, не является ли сам творческий труд наслаждением? Является, утверждает он. Вот и соглашайтесь, ученый и инженер, на зарплату, равную зарплате рабочих!

Данные идеи были творчески воплощены в жизнь, когда в последние годы Советского Союза рабочий получал зарплату нередко более высокую, чем профессор. Не говоря уже о том, что на заводе он получал пайки и прочие преимущества перед интеллигенцией.

Рассматривая далее взгляды К. Родбертуса, Туган-Барановский обращает внимание, что потребление в его системе будет осуществляться без обычных денег, а с помощью специальных «рабочих денег», которые представляют собой особую книжку, где будет записываться отработанное человеком время. В сталинские годы эта творческая новация получила воплощение в «трудоднях», которыми «оплачивался» труд в колхозах. Колхозники называли эти записи «палочками», так как за трудодни реальных денег часто не платили³.

Рассматривая теорию Э. Беллами, Туган-Барановский отмечает, что в его системе все здоровое население в принудительном порядке мобилизуется в трудовые армии. Это и было реализовано в России в 1920-х годах, когда рыночная экономика была запрещена, а система «военного коммунизма» довела страну до голода.

Интересно, как решает Э. Беллами проблему разной привлекательности труда. Как и многие другие социалисты, он предлагает не платить разную зарплату за труд разной привлекательности, а сокращать часы труда на труд менее привлекательный и удлинять за труд более привлекательный. Причем если в капиталистической экономике подобное равновесие определяется разной зарплатой, стихийно определяемой рынком, то при социализме принимать это решение о часах труда

³ Подробности интересующийся читатель найдет, например, в: [5].

должно общество. Как оно определит разрыв спроса и предложения – Э. Беллами пояснений не дает.

Правда, полный коммунизм вызывает неприятие Туган-Барановского, для чего он подробно рассматривает труд «Путешествие в Икарию» Э. Кабе. Коммунизм Кабе требует полного равенства потребления. Если, по каким-либо причинам, какого-то продукта не хватает, чтобы поровну разделить на всех, такой продукт просто не производят. Все граждане ходят в одинаковой одежде. В качестве особой милости – потакая слабостям человеческим – Э. Кабе допускает, что блондинкам можно носить одежду голубого цвета, а брюнеткам – красного.

Этот творческий порыв также не остался без воплощения. Если посмотреть на фото граждан России периода Сталина, то однотипность одежды сразу бросается в глаза. В современный период этим отличаются граждане Северной Кореи.

Поскольку в коммунистическом обществе при изготовлении одежды надо также учесть разницу в телосложении людей, Э. Кабе предлагает изготавливать одежду из специальных эластичных тканей. Так она будет, по его мнению, автоматически подгоняться и к росту, и к телосложению.

Но в своих проектах одежды будущего Кабе идет еще дальше. Он предлагает, чтобы на своей одежде каждый гражданин носил специальные знаки, по которым любой мог бы сразу определить его возраст, состояние в браке, профессию и так далее. Эту идею воплотили нацисты, заставляя евреев носить желтые звезды.

Рассматривает Кабе и духовную жизнь Икарии. Все старые книги объявлены вредными и сожжены. Разрешены только новые книги, в которых дается воспитание человека нового общества. Так и встают перед глазами всемирно известные кадры, как нацисты сжигают книги, признанные ими негодными. В Икарии издается только одна государственная газета, так как множество газет и их конкуренция, по мнению Кабе, порождают лживость и испорченность.

Туган-Барановский, конечно, возмущается подобными взглядами и говорит о том, что они льют воду на мельницу врагов социализма, называющих социализм «грядущим рабством». Но именно это и было воплощено в странах, которые пытались строить коммунизм.

Рассматривает Туган-Барановский и вариант социализма, который он называет «синдикальным» и который проповедовали французский социалист Л. Блан и немецкий социал-демократ (один из создателей социал-демократической партии Германии) Ф. Лассаль. В их системе средства производства принадлежат не государству, а трудовым коллективам, которые продают свою продукцию на рынке. Этот наиболее либеральный вариант социализма всегда воспринимался «в штыхы» марксистами, которые видели в нем (вполне справедливо) шаг к восстановлению капитализма. Именно этот путь и предлагался реформаторами в СССР и в странах Восточной Европы для того, чтобы повысить эффективность экономики и добиться равновесия на рынке (отсутствия дефицита и перепроизводства). Но лишь в коммунистической Югославии такая система была реализована, и то в усеченном варианте.

Сам Туган-Барановский, так же как и другие марксисты, резко восстает против подобной системы. Во-первых, она порождала бы неравенство между рабочими: одни заработают больше, а другие – меньше. Это Туган-Барановский считает «эксплуатацией». Во-вторых, Л. Блан предлагал, чтобы предприятия в собственности работников, которые несут убытки, получали помощь от государства. Это, как справедливо замечает Туган-Барановский, избавляет трудовые коллективы от всякой ответственности за результаты своей деятельности.

Известный венгерский экономист Я. Корнай подобный механизм назвал впоследствии «мягким бюджетным ограничением» [6]. Он убедительно показал, что именно мягкое бюджетное ограничение делает дефицит неизбежной чертой соци-

ализма. Не говоря уже о падении эффективности, отмечаемой, в том числе, Туган-Барановским.

Туган-Барановский допускает возможность «синдикального» социализма на какой-то ограниченный период по мере перехода общества к «подлинному» социализму, основанному на общенародной собственности. Это интересно тем, что в будущем такая форма допускалась в качестве промежуточной при движении в противоположном направлении: от «развитого социализма» к полноценному капитализму.

Рассматривает Туган-Барановский и так называемые «коммунальный» социализм и «коммунальный» коммунизм, где имеют место все те же черты этих систем, но собственность на средства производства принадлежит не всему обществу, а его отдельным коммунам. Авторами таких идей были Р. Оуэн и Ш. Фурье. Хозяйственная единица в их системе называлась «фаланга». Нечто подобное можно увидеть в проекте совнархозов, которые пытались реализовать в СССР в 1960-х гг. Результат – известен. Отдельные элементы идей коммунального социализма были воплощены затем в израильских киббуцах.

Почему-то идеологи «фаланги» считали, что с ее помощью будут преодолены два недостатка капитализма, а именно:

1) отсутствие стимула к техническому прогрессу вследствие дешевизны труда (маленькой зарплаты, которую капиталист заинтересован платить рабочему);

2) вынужденное безделье крестьянина в зимнее время.

Жизнь показала, что все происходит как раз с точностью до наоборот. Именно капиталисты кровно заинтересованы в техническом прогрессе, чтобы снизить издержки и не разориться. В то же время в «развитом социализме» предприятие избегает инноваций, так как не заинтересовано в прибылях и ему не грозит банкротство⁴.

Проблема же простая крестьян в зимние месяцы решается отхожими промыслами и/или созданием промышленных предприятий в сельской местности в рамках того же капитализма⁵.

В фаланге все жители получают квартиру бесплатно, но платят за ее съём. Интересно, что Фурье предполагал наличие в своем «социализме» и капиталистов, но работающих, как он полагал, не в погоне за прибылью, а ради «наслаждения». Это напоминает «инстинкт мастерства» по Т. Веблену [8], который, как оказалось, может быть реализован и при капитализме. С другой стороны, рабочие в системе Фурье также становятся капиталистами, поскольку будут вкладывать свои сбережения в деловые предприятия и получать от этого доход. Такое «перевоплощение» также оказалось возможным в рамках современного капитализма, где многие рабочие владеют акциями.

Интересно, что Фурье определяет даже параметры макроэкономического распределения дохода между классами в фаланге: по его предложению 5/12 дохода в ней должно идти труду, 4/12 – капиталу, 3/12 – на вознаграждение таланта! Поразительно, что, если присоединить талант к труду, а не к капиталу, то именно таким является распределение в современных развитых капиталистических обществах! Нельзя не восхищаться и щедростью Фурье в отношении капиталистов при социализме!

Поэтому система Фурье, наряду с теорией Ф. Лассаля, выглядит гораздо привлекательнее централизаторских теорий других социалистов. Здесь нет ни классовой войны, ни «экспроприации экспроприаторов», ни прочего насилия. Имеет место классовое сотрудничество. Современный капитализм, как мы видим, реализо-

⁴ В рамках художественного произведения это показано Владимиром Дудинцевым в [7].

⁵ Успех китайцев в этом вопросе несомненен.

вал некоторые идеи Ш. Фурье, в частности «демократизацию капитала», когда капитал распределяется среди широкого круга лиц.

Слабое место его замечательных построений в том, что они исходят из допущения о многократном росте производительности труда в фаланге по сравнению с капитализмом. Доходы рабочих увеличатся в 6–8 раз, доходы капиталистов – в 3–4 раза. При таком росте благосостояния исчезнет преступность, а капиталисты легко согласятся с предлагаемыми изменениями. Но никаких обоснований такому громадному росту производительности Фурье не приводит, для него такой рост – аксиома.

Той же аксиомой руководствовались и русские коммунисты в 1920-х годах, уповая на то, что отсутствие «эксплуатации» и «экспроприация экспроприаторов» сама по себе даст гигантский рост производительности. Но эта мечта так и осталась мечтою.

Теория

Вторую половину своей книги М. И. Туган-Барановский посвящает собственной теории социализма. Его концепция делает общественную собственность господствующей, хотя в ней допускаются и кооперативная, и индивидуальная предпринимательская деятельность. Вся теория социализма Туган-Барановского базируется на одной, но ключевой предпосылке, а именно: при государственной (общенародной) собственности достижима гораздо более высокая производительность труда, чем при капитализме. Это роднит ее с теориями других социалистов.

Эта предпосылка базируется, в свою очередь, на двух других. Первая состоит в том, что только при государственной собственности возможна организация производства в крупном масштабе, что ведет к росту производительности. Туган-Барановский допускает, что крупный масштаб возможен и при капитализме, но указывает, что там налицо множество мелких и средних предприятий, что ведет к снижению средней производительности.

Вторая предпосылка говорит о том, что государственное планирование производства возможно лишь для крупных предприятий. Эту предпосылку можно признать в значительной степени верной. Действительно, государственное планирование деятельности множества мелких предприятий крайне затруднено. В практике «развитого социализма» это приводило к тому, что плановые органы пытались всюду насаждать «гигантов», в результате чего продукцию приходилось везти на большие расстояния и, как следствие, росли транспортные издержки и снижалось качество. Это вело к монополизму, который достался в наследство уже пореформенной России.

Но первая предпосылка – о гигантском росте производительности труда при государственном социализме – оказалась неверной. Разберем ее подробнее. Во-первых, тот факт, что при современном капитализме мы видим множество мелких и средних компаний, которые успешно конкурируют с компаниями крупными, есть не слабость, а сила рыночной экономики. Далеко не всегда рост масштабов ведет к росту «совокупной факторной производительности» (отдачи от всех факторов производства, а не только труда), как ее называют экономисты. Иными словами, рост производства далеко не всегда ведет к снижению себестоимости единицы продукции.

Говоря языком современной микроэкономики, отдача от масштаба далеко не всегда является растущей. Она может быть и падающей, и постоянной, и переменной⁶. У мелких и средних компаний есть и иные преимущества: они легче занимают рыночные ниши, гибче и быстрее перестраивают производство для осу-

⁶ Подробнее об этом: [9, гл. 1].

ществления инноваций, в них меньше бюрократии. Слабости крупных предприятий и при капитализме – это избыточная бюрократия, вызванная усложнением производства и управления и необходимостью делегировать полномочия, неповоротливость, потеря управляемости и многие другие.

В варианте государственного социализма, который предлагает М. И. Туган-Барановский и который был реализован на практике в СССР, странах Восточной Европы и некоторых других, предприятия страдают и от других недостатков. Главные среди них – незаинтересованность в прибыли и «мягкое бюджетное ограничение», что делает невозможным реализацию того преимущества в производительности, которое предполагал Туган-Барановский. Компания, которой не достаются результаты ее более высокой производительности, большей востребованности ее продукции, с одной стороны; которую не подгоняет страх банкротства – с другой, не будет стремиться ни к повышению эффективности, ни к росту качества продукции, ни к тому, чтобы производить и поставлять востребованные продукты туда, где они нужны более всего.

Туган-Барановский признает, что централизм может вести к бюрократизму. Но он надеется, что этот минус будет преодолен тем, что при социализме работник будет в гораздо большей степени заинтересован в росте производительности, чем при капитализме. При капитализме он отчужден от средств производства, и потому его стимулы слабы. Напротив, при социализме и общенародной собственности он будет кровно заинтересован в росте производительности, ведь в общенародной собственности он имеет и свою долю.

Жизнь показала ошибочность этих гипотез. В вопросах стимулирования труда капитализм достиг больших результатов, чем «развитой социализм». Капиталиста подталкивает стремление заработать прибыль и, что еще важнее, страх банкротства. Надежда на то, что убеждением и воспитанием при всенародном характере собственности и отсутствии эксплуатации человека человеком можно побудить наемного работника работать лучше, оказалась призрачной. Добросовестные люди в странах «развитого социализма» на горьком опыте убеждались, что плоды их дополнительных усилий и талантов чаще всего достаются другим.

Кроме того, опыт «развитого социализма» показал, что при определенных условиях эксплуатация человека обществом/государством может оказаться куда более жестокой, чем эксплуатация человеком. Капиталиста можно хотя бы разжалобить. А вот директор государственного предприятия в ответ на просьбу работника повысить ему зарплату просто сошлется на тарифную сетку, которую ему «спустили сверху» и которую он не имеет права изменить.

И все же Туган-Барановский, как первоклассный экономист, испытывал смутные предчувствия в отношении бюрократизации производства при централизованном социализме, и он искал альтернативы. Он признавал, что при социализме «синдикальном», как он называл рыночную экономику, основанную на предприятиях в собственности работников, стимулов к росту производительности может быть больше. Поэтому он допускал – в известных пределах, конечно – возможность создания рабочих производственных кооперативов при государственном социализме.

Он признавал также, что в отличие от предприятий государственного социализма, создаваемых принудительно, кооперативы создаются совершенно свободно. Какая доля в социалистическом обществе будет принадлежать государственным предприятиям, а какая кооперативам, в каких сферах будут доминировать те и другие, – из теории Туган-Барановского не ясно.

Смутное беспокойство М. И. Туган-Барановского перед централизацией выливается и в то, что, как он полагал, если государственные предприятия окажутся неэффективными, их можно передавать в аренду трудовым коллективам, работа-

ющим на принципах кооперативов. Он полагал, что в кооперативы будут объединяться более производительные рабочие, а на государственных и муниципальных предприятиях – менее производительные.

В этом предложении есть зерно истины, так как для второй группы работников нередко более важным бывает не хороший заработок и не творческий характер труда, а стабильность занятости и заработка. Подвергаться капиталистической эксплуатации они не хотят. И в этом смысле «развитой социализм» отражал в какой-то степени интересы этих групп людей. Беда лишь в том, что подобная система ведет к застою и отставанию социалистической страны от капиталистических стран.

В сельском хозяйстве социализма Туган-Барановский предлагает то, что было затем реализовано в Китае при реформах Дэн Сяопина. А именно, создание сельских производственных кооперативов (общин), которые будут поставлять государству строго определенное количество продукции, сверх которого оно может быть свободно реализовано на рынке. В Китае эта система имела огромный успех, и за семь лет с ее запуска (с 1978-го по 1985 г.) помогла двукратно увеличить производство. Аналогично допускал Туган-Барановский и функционирование муниципальных предприятий при социализме, работающих отдельно от центрального плана, что также имело большой успех в пореформенном Китае⁷.

Допускает Туган-Барановский и индивидуального предпринимателя при социализме, но лишь с оговоркой, чтобы при этом «не происходило непроизводительной растраты общественных средств производства» [1, с. 93]. Как этого добиться и что это означает в принципе – совершенно непонятно.

Как будет организован обмен и распределение при социализме? Коммунизм с его принудительным потреблением Туган-Барановский в целом отвергает, так как он убивает стимулы и творческий характер самого труда. В то же время он допускает какие-то элементы коммунистического распределения. Например, поскольку потребление продуктов питания ограничено человеческим желудком, то в будущем возможно, что общество даст неограниченный доступ каждому человеку к продуктам питания, реализуя тем самым принцип «каждому по потребностям», понимая, что в данном пункте потребности ограничены. Далее, Туган-Барановский полагает, что в социалистическом обществе человек сможет сам ограничивать какие-то свои потребности, уважая тем самым интересы других людей. Наконец, общество будет поощрять такие неограниченные потребности, как потребность в знаниях и культуре, безгранично расширяя для их удовлетворения число мест в библиотеках и театрах, площади музеев.

Наивность этих прожектов не заслуживает подробных комментариев. Неограниченность потребления продуктов питания по сравнению с ограниченностью желудков Туган-Барановский выводит опять-таки из предполагаемого им громадного роста производительности труда при социализме, несостоятельность которой была отмечена выше. Тяга к знаниям и к культуре, действительно, поощряется современным обществом, хотя дефицит книг, мест в библиотеках и музейных площадей иногда дает о себе знать. Гипотезу о реалистичности добровольного ограничения человеком своих потребностей в пользу других людей авторы данной статьи предлагают продумать читателю самостоятельно.

Но обмен и потребление большинства товаров и при социализме Туган-Барановский все же предполагает осуществлять на основе денег и равновесных цен. Определение пропорций обмена на основе трудовых затрат он отвергает априори, так как это будет вести к неравновесию – перепроизводству одних товаров и дефициту других. Этот опыт наша страна также проходила. Сначала, в

⁷ Подробности, например, в: [10].

1920-х годах, пытались устанавливать цены на основе трудовых затрат, «тредов», как их тогда называли. От этой практики быстро отказались. Затем перешли к централизованному установлению цен на основе затрат и плановой рентабельности, но и здесь избежать неравновесия не удалось.

В социалистическом обществе Туган-Барановского цены должны быть равновесными, уравнивающими спрос и предложение, предельную полезность и предельные издержки. Но если при капитализме это равновесие автоматически устанавливает рыночный механизм, то при социализме Туган-Барановского его устанавливает государство. Иными словами, он предвосхитил Госкомцен, с тем только различием, что последний в своей практике не руководствовался теорией предельной полезности.

Несмотря на всю свою утопичность, модель социалистического ценообразования, которую предложил Туган-Барановский, оказалась очень полезной для разработки моделей линейного программирования в 1960–70-х годах. Но для практики ценообразования она оказалась бесполезной: определить точку равенства спроса и предложения для всех товаров на каждый день ни одна система централизованного счета не способна.

На последних страницах своей книги М. И. Туган-Барановский рассматривает вопрос, который его также тревожил, а именно: что будет со страной, которая попытается строить социализм, не будучи к этому готовой. Он, конечно, имел в виду Россию 1917 года, где наибольшей популярностью пользовались именно социалистические партии. И тут интуиция ученого его не подвела: такие попытки в неготовой стране приведут только к нищете и рабству, утверждает Туган-Барановский.

Социализм, по его мнению, не только даст человеку больше, чем капитализм, но и потребует от него гораздо большего. В частности, для централизованного планирования должна иметься отлично организованная статистика. «Всякая неточность статистического учета в социалистическом государстве будет давать себя знать весьма существенным расстройством общественного хозяйства, ибо все это хозяйство будет покоиться на основе статистического учета» [1, с. 124]. Такой статистики нет и сейчас, тем более не было ее 100 лет назад.

Туган-Барановский прекрасно понимал, что если государство при социализме окажется неспособным заменить рыночный механизм капитализма, то «переход к социалистической организации производства знаменовал бы собой разрушение общественного хозяйства и решительный хозяйственный регресс сравнительно с капитализмом» [1, с. 125].

М. И. Туган-Барановский также смутно понимал, что при социализме, который он предлагает, стимулы к труду каждого отдельного работника будут ослаблены. Во-первых, при социализме ему не грозят голод и безработица. Во-вторых, в гигантских предприятиях социализма контроль над отдельным работником будет гораздо слабее, чем контроль хозяина на частном предприятии.

Что же Туган-Барановский предлагает взамен? «Чем же будет заменен при социализме эгоизм в качестве стимула хозяйственного труда? Стимулами совершенно иного рода. Во-первых, чувством солидарности каждого с остальными людьми. Во-вторых, развитым чувством долга. В-третьих, непосредственной привлекательностью труда. Все эти стимулы могут с успехом заменить грубые стимулы капиталистического общества» [1, с. 125].

По мнению авторов данной статьи, неосуществимость подобных мечтаний очевидна.

Вообще, проблема готовности общества к необходимым изменениям представляет необычайный интерес, но она плохо разработана в общественных науках. Что означает «общество не готово», что оно должно делать, чтобы стать

готовым, и какую позицию должен занять ответственный гражданин в таком обществе – все это не ясно.

В отношении социализма мнение, на которое стоит обратить внимание, высказал А. Грамши, лидер Итальянской коммунистической партии в 1930-х годах. Представьте себе десятилетнюю девочку, говорил он. Через какое-то время она может стать замечательной женщиной, прекрасной матерью. Но делать ее женщиной сейчас – преступление. Так и общество должно сначала подготовиться к социализму. Но как конкретно – вот в чем вопрос.

И если социализм – вещь непонятная, то возьмем систему более понятную и, главное, практически опробованную – демократию. Казалось бы, на протяжении нескольких веков она показала свои преимущества перед диктатурой. Но насколько сложно внедрить ее в неготовое общество – показали современные неудачи и в Ираке, и в Афганистане⁸.

Последнюю главу (с. 127–133) М. И. Туган-Барановский посвящает духовной культуре при социализме. В социалистическом государстве, полагает он, не будет ни полководцев, ни государственных деятелей, жаждущих славы, перед которыми преклоняются народные массы. Ведь в нем не будет ни классов, ни политической борьбы. «Государственные люди будут не народными вождями и кумирами толпы, а скромными общественными работниками. Занятие выдающейся государственной должности не будет доставлять особого почета и, следовательно, не будет представлять ничего заманчивого для честолюбия. Вообще, исчезнет грубая, физическая власть человека над человеком, а следовательно, исчезнет и всё то обаяние, которое теперь связано с этой властью. Исчезнет физическая борьба людей друг с другом – мирная ассоциация будущего сделает эту борьбу невозможной по отсутствию всяких поводов к ней» [1, с. 128].

По мнению авторов, утопичность подобных идей очевидна.

При социализме, пишет Туган-Барановский, «произойдет полная переоценка всех ценностей... Мыслители и художники, великие человеколюбцы станут героями и вождями будущего человечества. Интерес к познанию и эстетической деятельности, моральному и религиозному возвышению человечества возрастут в чрезвычайных размерах и заполнят собой всю жизнь людей, возвышающихся над уровнем посредственности» [1, с. 129].

Судьбы М. Булгакова, М. Цветаевой, О. Мандельштама, Б. Пастернака и сотен других – в каком противоречии они находятся с такой характеристикой социализма!

Оценка

Дадим оценку теории социализма М. И. Туган-Барановского. Начнем с *осуществимости* перехода к социализму. Нигде в своей книге он не говорит о тех конкретных шагах, которые общество должно сделать для такого перехода. Будет ли этот переход осуществлен голосованием в демократически избранном парламенте или силовым путем, путем насильственной революции?

Надо полагать, что Туган-Барановский, русский интеллигент, демократ, член Центрального комитета Партии народной свободы, не мог представить себе варианта иного, кроме как демократическое голосование. Тогда, наверное, произошло бы следующее. При первых же неудачах построения социализма общество с развитой демократией быстро бы отыграло назад и вернулось бы к привычному капитализму.

⁸ Интересную теорию, которая показывает сложности внедрения технических инноваций (и соответствующие стадии) разработала Карлота Перес в: [11]. Если даже технические новации внедряются столь долго и сложно, так как затрагивают интересы многих людей, и не всегда положительно, то что же говорить о новациях социальных?

Можно не сомневаться, что если бы в 1922 году в России удалось восстановить демократию, то большевики немедленно потеряли бы власть, а общество вернулось к капитализму после всех дикостей «военного коммунизма».

В послевоенный период в странах развитой демократии (Англия, Франция, США) отдельные элементы социализма (национализация предприятий, контроль цен и рынков и другие) вводились более мягкими методами и потому не имели таких катастрофических последствий. Но и там общество, убедившись в их неэффективности, начало их демонтаж, что привело к «консервативной революции» 1980-х годов. А в США многие из социалистических экспериментов «Нового курса» были отменены Верховным Судом еще в 1930-х годах. Даже в Швеции, среди демократических стран наиболее далеко зашедшей в своих социалистических экспериментах, в 1990-х годах начался откат к механизмам, в большей степени опирающимся на рынок⁹.

Фундаментальная предпосылка теории М. И. Туган-Барановского – о более высокой производительности труда при социализме по сравнению с капитализмом. Выше мы уже говорили о том, что крупный размер предприятия – еще не гарантия высокой производительности. Но есть еще один связанный с этим вопрос: попытки ввести планирование в экономику вовсе не привели к повышению эффективности. Более того, они создали еще больший хаос, чем рынок. И произошло это по многим причинам.

Во-первых, план банально нельзя посчитать. Ни один всеведущий плановый орган, ни один сверхмощный компьютер не может обзреть рынки всех производимых в экономике товаров: их миллионы. Для этого надо знать их кривые спроса и предложения, которые могут меняться каждый день, да еще быть разными на разных рынках даже в одной стране. Уже одно это неизбежно ведет к тому, что следствием централизованного планирования является неравновесие – затоваривание или дефицит.

Данная проблема стала понятна ученым еще в 1930-х годах и описана в труде коллектива авторов под редакцией Ф. А. фон Хайека [14].

Далее, плановый орган вовсе не является всемогущим и беспристрастным демиургом, как представляли его социалисты. Помимо проблемы неполной информации, он сталкивается с конфликтом интересов различных ведомств и предприятий. И в этом смысле никак не может быть просто холодной машиной, подсчитывающей планы в интересах всего общества. Это показал еще в 1956 году на опыте плановых органов Венгрии уже упомянутый нами выше Я. Корнай¹⁰.

В-третьих, Туган-Барановский не смог решить ключевой вопрос о стимулах. При капитализме предприниматель стремится поставить свой продукт на рынок, так как хочет заработать прибыль. Чем больший дефицит товара на рынке, тем выше его цена, тем больше будет прибыль капиталиста, поставившего данный товар. Если, напротив, рынок переполнен товаром, то цена его упадет, его поставки станут невыгодными, и капиталисты уменьшат предложение данного товара. Конкуренция также вынуждает капиталиста поставлять товар должного качества: в противном случае его купят у конкурента.

Как плановая экономика может заменить такие естественные, никем не управляемые механизмы рыночной экономики? Допустим, план идеально посчитан, плановый орган определил, что общество нуждается в первую очередь в таких-то товарах. Что побудит производителя производить именно их? В должном количестве и качестве? Ни Туган-Барановский, ни другие социалисты так и не дали убедительного ответа на все эти вопросы. Сам Туган-Барановский полагал, что при

⁹ Об экономических и нравственных перекосах «Нового курса» в США написано в: [12], о пагубных последствиях шведского социализма – в: [13].

¹⁰ Мы основываемся здесь на его книге [15].

социализме к этому будет вести «радость труда как творческого процесса». Практика «реального социализма» быстро разбила эти иллюзии, и коммунисты, не желая восстанавливать капитализм, перешли к единственной реальной альтернативе – внеэкономическому принуждению. Как только его отменили в процессе «перестройки», система немедленно распалась.

Фундаментальная ошибка и Туган-Барановского, и других социалистов заключалась также в том, что он (они) считали свободу при капитализме фикцией. Сам Туган-Барановский признает высокую степень *юридической* свободы при капитализме. Но тут же оговаривается, что для капиталиста эта свобода на практике оборачивается несвободой, так как то, что он должен производить, ему диктует рынок. А для рабочего свобода становится несвободой, так как он подвергается эксплуатации капиталистом.

Рассмотрим оба этих тезиса. Что и говорить, в рыночной экономике ты не можешь производить лишь то, что тебе вздумается, что тебе приятно делать, и обеспечить тем самым себе хороший доход. Придется производить то, что нужно людям, за что они заплатят реальные деньги. Является ли это «несвободой»? В каком-то смысле – да. Но вопрос о том, можно ли жить в обществе и быть совершенно от него свободным, мы оставим философам. Наверное, такая свобода – удел одного лишь Робинзона Крузо.

Является ли несвободным работник, нанимающийся к частному предпринимателю, – вопрос также спорный. Он может пойти к другому предпринимателю, который заплатит ему больше или предлагает лучшие условия труда. Или наняться в государственное учреждение. Или создать кооператив работников. Или сам стать предпринимателем – современное общество все это позволяет. В чем здесь несвобода? И в чем была «свобода» «реального социализма», делающая невозможными многие из этих альтернатив?

Заключение

За сто с лишним лет после публикации книги «Социализм как положительное учение» человечество не смогло построить эффективного социализма. Эксперимент, который попытались осуществить в России, в странах Восточной Европы и в некоторых других, оказался неудачным. Напротив, капитализм учел многое из критики со стороны социалистов, осуществил ряд важных реформ и стал в этом смысле еще сильнее и, главное, человечнее, а потому и жизнеспособнее. Весь опыт экспериментов двадцатого века заставляет сделать несколько важных выводов.

1. Общество должно строго придерживаться принципов демократии. Ничего нельзя навязывать силой, надо иметь механизмы коррекции ошибок. Нельзя ставить эксперименты над собственным народом.

2. Все реформы должны быть медленными и осторожными. К реформам, фундаментально меняющим жизнь общества, это относится в еще большей степени. Афоризм великого реформатора Дэн Сяопина «переходя реку вброд, нащупывай дно» актуален здесь как никогда¹¹.

3. Для координации работы экономики общество не нашло иных механизмов кроме цен, прибыли и банкротства. Все прочие показали свою несостоятельность и должны быть отброшены.

4. Из предыдущего пункта следует, что экономика должна быть рыночной. Но должна ли она основываться на частной собственности (капитализм) или на

¹¹ Здесь уместно привести пример, что в Румынии правительство реформаторов во главе с Петре Романом, осуществлявшее реформы по переходу от плановой экономики к рынку, привлекло к этой работе 1200 отечественных специалистов и 400 зарубежных. См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Роман,_Петре (дата обращения: 08.09.2021).

кооперативной собственности (рыночный социализм) или на государственной собственности (государственный капитализм) – вопрос открытый¹². Лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц пытается показать, что государственные предприятия также могут быть эффективными [16]. Отдельные примеры тому имеются. Но смогут ли частные стимулы – стремление к прибыли и страх банкротства – быть заменены в длительной перспективе чем-то другим, вопрос весьма спорный.

Смогут ли кооперативы работников, работающих в условиях рыночной экономики, превзойти частные предприятия по совокупной факторной производительности, также не очевидно. Многочисленные исследования на эту тему не дали однозначного ответа. Тому есть много причин, некоторые из них определил еще сам М. И. Туган-Барановский в своей работе «Социальные основы кооперации» [17, гл. 5]. Первая из них – нежелание работников, собственников предприятия, делать долгосрочные инвестиции (они предпочитают зарплату). Вторая – стремление учредителей таких предприятий постепенно перестать быть работниками и стать просто собственниками¹³.

Важная альтернатива создания компаний в собственности работников – это выкуп ими обанкротившихся компаний или тех, которые частный владелец хочет закрыть. Выкуп, чтобы не остаться без работы. Но возможна ли рыночная экономика, в которой доминируют рабочие кооперативы, покажет будущее. Это будет лишь тогда, когда они докажут свою более высокую производительность причем без каких-либо (предоставленных государством) привилегий по сравнению с другими формами бизнеса.

Следует признать, что пока единственной реальной альтернативой капитализму является внеэкономическое принуждение, на котором основана командно-административная экономика. В этой системе предприятия выполняют обязательный план, и потому в ней нет места материальным стимулам, а следовательно, творчеству и высокой производительности. В такой системе работник не имеет возможности сменить работу. При первых попытках ослабления насилия система разлагается и гибнет.

Вместо всестороннего развития свободной личности, к чему призывал Туган-Барановский и другие социалисты, «реальный социализм» создал общество, где человек не имел права свободно высказывать свои мысли, если они противоречили партийным решениям, читать книги и смотреть фильмы по своему усмотрению, ездить за границу, а иногда даже передвигаться по своей собственной стране.

На выборах в Учредительное собрание России в 1918 году 83 % голосов было подано за социалистов (подсчет на основе [19], с. 366), если считать, что половина кадетов также были социалистами, каким был Туган-Барановский. Данный факт свидетельствует о том, что когда Туган-Барановский писал свою книгу (1917 год), русское общество было чревато социализмом. Наверное, страна должна была пережить это заблуждение, чтобы осознать его нереальность.

В связи с этим разбор книги М. И. Туган-Барановского представляется полезным. Во-первых, для того, чтобы на основе ошибок этого великого человека, прекрасного экономиста и гуманиста, проиллюстрировать невозможность реального воплощения искусственных социальных конструкций. Во-вторых, чтобы с помо-

¹² Одним из первых на различие между рыночной экономикой и капитализмом указал Н. И. Бухарин, это обсуждается в: [4].

¹³ Более подробный и современный анализ проблем предприятий в собственности работников см. в: [18]. Важная деталь – они лишены такого способа привлечения средств, как продажа обыкновенных акций на открытом рынке, так как в этом случае подрывается их кооперативная природа: появляются собственники, не являющиеся работниками.

цью такого анализа никогда больше не повторять те ошибки, которые были сделаны нашей страной в прошлом веке.

Литература

1. Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 136 с.
2. Туган-Барановский М. И. Теоретические основы марксизма. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 224 с.
3. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. – М. : Экономика, 1993. – 543 с.
4. Панцов А. В. Дэн Сяопин. – М. : Молодая гвардия, 2013. – 558 с.
5. Абрамов. Пряслины. – Л. : Лениздат, 1978. – 472 с.
6. Kornai J. Resource-Constrained versus Demand-Constrained // *Econometrica*. – 1979. – Vol. 47, No. 4 (Jul.). – P. 801–819.
7. Дудинцев В. Д. Не хлебом единым. – М. : Современник, 1979. – 426 с.
8. Veblen T. *The Instinct of Workmanship and the State of the Industrial Arts*. – Routledge, 1990. – 408 p.
9. Мицек С. А. Основы микроэкономики. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2007. – 364 с.
10. Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо. – М. : ИДВ РАН, 2001. – 368 с.
11. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. – М. : Дело, 2011. – 232 с.
12. Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка? – М. : Мысль, 2012. – 352 с.
13. Lindbeck A. *The Swedish Experiment* // *Journal of Economic Literature*. – 1997. – Vol. 35, No. 3 (Sep.). – P. 1273–1319.
14. *Collectivist economic planning* / ed. by F. A. Hayek. L. – Routledge & Kegan Paul, Ltd., 1st published 1935; 6th impression 1963. – 300 p.
15. Корнаи Я. Силой мысли. – М. : Логос, 2008. – 480 с.
16. Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора. – М. : ИНФРА-М, 1997. – 720 с.
17. Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. – М. : Экономика, 1989. – 496 с.
18. *The political economy of cooperation and participation* / ed. by A. Clayre. – Oxford, 1980. – 212 p.
19. Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели. – М. : РОССПЭН, 1997. – 367 с.

Sergey Alexandrovich Mitsek,

Dr. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Dean of Business and Management Faculty,
Head of Finance and Accounting Chair, Liberal Arts University – University
for Humanities (Yekaterinburg), Honorary Worker of Higher Education
of the Russian Federation

Elena Borisovna Mitsek,

Dr. Sci. (Economics), Prof. at Management and Marketing Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Tugan-Baranovsky's Theory of Socialism and Reality of "Developed Socialism"

Abstract. The article deals with the theory of socialism of M. I. Tugan-Baranovsky and the previous theorists of socialist thought. The authors show that the practice of real socialism in the USSR and other countries was based, to a greater extent, on the ideas of non-Marxist socialist thinkers.

The analysis of the ideas of Tugan-Baranovsky and other authors showed how theoretical errors affected the economic policy of the USSR and other countries and led to the collapse of real socialism. The main conclusions are that real socialism, contrary to the theory, could not give productivity growth and an alternative to the market for coordinating economic processes com-

pared to capitalism. It also did not provide incentives for the work and creative development of the individual.

The article is intended for those interested in the history of economic thought and the practice of building socialism.

Keywords: capitalism; socialism; communism; planned economy; market economy